

ВОЙНА

ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ
ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 28

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
7 ЮЛЯ

Рис. Ре-ми.

„ПОБѢДИТЬ ТОТЪ,

У КОГО КРѢПЧЕ

НЕРВЫ!“

Вильгельмъ: — Ахъ, если-бы закуски было столько-же, сколько и выпивки — я не боялся-бы за свои нервы.

НИЩІЕ.

Послушайте, — господа нищіе!
Студенты, конторщики, продавцы изъ кондитерской —
Не вами ли, нищими, полны столицы?
Не васъ ли сотни и даже тыщи
На любой улицѣ питерской,
Не имѣющихъ двуривеннаго зайти побриться?

Такъ нельзя, невозможно просто,
Противно идти по городу,
Глядѣть на испытія нуждой хари;
Вы всё на подборъ дрянного роста,
Всѣмъ вамъ хочется плюнуть въ бороды,
Мечтающимъ годами о пиджачной парѣ.

Ваши женщины не выходятъ изъ ситца,
Ботинки съ каблуками вѣчно сбитыми,
Носятъ, чортъ знаетъ, какія шляпы;
Я не понимаю, какъ можно мириться
Съ тѣмъ, что дѣти живутъ не сытыми,
И руки ихъ грязны, какъ собачьи лапы?

Поэты и пророки сговорились дружно,
Честность кузнечнаго пѣли молота,
Обкормили васъ, нищихъ, красивой дичью,
Господа, понатужьтесь — это нужно,
Нужно умѣть находить золото,
И смѣнить на тигровую душу птичью

Господа нищіе, вотъ вамъ слово:
Нужно положить конецъ безобразію,
Найдите золото, съ нимъ всевластіе.
Живите чисто, сытно и ново,
А кто не умѣетъ — къ чорту, въ Азію!
Дичайте, быть можетъ, въ дикости счастье...

Валентинъ Горянской.

ВЕСЕЛЫЙ КАПИТАЛЬ.

Большей частью въ Россіи у насъ было такъ.

Два человѣка попытались найти золотую жилу, бѣжали
разсказывать о ней знакомымъ, посылали въ газеты телеграм-
мы и начинали искать денегъ. Какой-нибудь нѣкій человѣкъ
далъ по разсѣянности четырнадцать рублей займа, но тре-
бовалъ, чтобы къ субботѣ ихъ принесли обратно. Въстѣ съ
собственнымъ основнымъ капиталомъ у обоихъ счастливецевъ
набралось двадцать два рубля, которые они тутъ же платили
за комнату и снова бѣжали заниматься.

Жила лежала въ землѣ и смѣялась. Удачники плакали.
Потомъ имъ кто-нибудь совѣтовалъ идти въ банкъ. Когда
некуда идти и банкъ мѣсто. Обладатели жилы приходили въ
банкъ, и начинались долгіе переговоры.

— У насъ есть золотая жила.

— А у насъ нѣтъ, — откровенно сознавался банкъ.

— Мы бы хотѣли ее обрабатывать.

— Хорошо и сдѣлаете. Такъ сказать, обрабатывающая
промышленность.

— Нужно ее добыть видите ли.

— Ну что же и добывающая промышленность дѣло не-
плохое. Добывайте.

— У насъ нѣтъ денегъ. Мы вотъ къ вамъ и пришли...

— Только за этимъ? У насъ по пятницамъ пріемъ для
тѣхъ, у кого нѣтъ денегъ. Выходитъ помощникъ бухгал-

тера и всѣмъ сразу отказываетъ. Нѣкоторые раза по четыре
приходятъ, такъ имъ швейцаръ отказываетъ. Спросить фа-
милію и откажетъ.

Послѣ такого разговора обладатели жилы быстро ухо-
дили изъ банка, напивались пьяными и продавали жилу за
сто рублей какому-нибудь проѣзжему актеру, который огра-
ничивался словеснымъ обѣщаніемъ, а о жилѣ забывалъ че-
резъ три дня.

Это было время, когда банки сидѣли какъ хмурые буль-
доги, дожидались, когда придетъ время лопнуть.

* * *

Теперь настало какое-то необыкновенное время. Бан-
ки изъ хмурыхъ бульдоговъ превратились въ голодныхъ
фоксиковъ, пристающихъ къ каждому новому предпріятію.

Въ каждомъ номерѣ газеты вы увидите пять извѣщеній
о томъ, что такое-то предпріятіе финансируется такимъ-то
банкомъ, такое — такимъ, а такое — обоими сразу. Капи-
таль сталъ веселиться.

— Вы, кажется, открыли источникъ? — заискивающе
спрашиваетъ банкъ у человѣка, слетѣвшаго съ кочки въ ка-
кое-то болото.

— Ничего подобного. Завтра же пришлю рабочихъ,
чтобы все засыпали.

— Такое прекрасное болото? Хотите, лучше мы по-
шлемъ сюда профессоровъ?

— Если они будутъ на своемъ горячемъ и хорошо умѣ-
ютъ обращаться съ лопатами — пожалуйста.

— Вы все на своемъ. Профессора напишутъ отзывы о
водѣ, мы напечатаемъ ихъ въ газетахъ, и вы будете бога-
тымъ человѣкомъ.

Мокрый человѣкъ уже съ большимъ вниманіемъ огляды-
валъ болото и начиналъ торговаться.

— Прекрасная вода. Лучше самъ пить буду.

— Ну, что вы, право... Разрѣшите финансировать?

— Ну, ужъ все равно. Пофинансируйте. Не отвяжешься
отъ васъ.

Веселый банковскій капиталъ начинаетъ работать, какъ
фокусникъ изъ провинціального паноптикума.

— Пра-а-шу обратить вниманіе. Никакой ловкости
рукъ, одна черная магія. Беру въ цилиндръ болото, размѣ-
шиваю по акціямъ, посыпаю хвалебными отзывами, перели-
ваю въ бутылки... Разъ, два... три... Предъ почтеннѣй-
шей публикой цѣлебный источникъ...

* * *

— Вы, кажется, газету хотите издавать? — робко
спрашиваетъ банкъ у хмураго человѣка, выползающаго изъ
редакціи.

— Не твое дѣло. Хочу издаю, хочу нѣтъ.

— Ну, если вы такъ разговариваете — конечно...
Приходите въ среду четыреста тысячъ получите.

— Я? На все? Я, пожалуй, приду. Можетъ быть, пять-
сотъ дадите?

— Неровная цифра. Шестьсотъ.

— Вы знаете — я, кажется, честное слово приду.

Веселый капиталъ влѣзаетъ въ газету. Правда, она на-
чинаетъ выходить въ такомъ видѣ, что читатели берутъ
послѣ передовой статьи ножницы и пытаются отстричь отъ
газеты купоны, но газета наполняется людьми на всѣ вкусы,
какъ меню хорошаго ресторана.

— Какого направленія ваша газета? — сумрачно спра-
шиваетъ какой-то читатель, протискиваясь въ кабинетъ ре-
дактора. Редакторъ, занятый срочной работой, отрывается
отъ нея и хмуро вводитъ посѣтителя въ курсъ дѣла:

- Азовско-Донского.
— А что, это — лѣвѣе Восточно-Азіатскаго будетъ?

* * *

Вскорѣ веселый банковскій капиталъ, размѣстившись въ широкихъ руслахъ, потечетъ и по маленькимъ ручейкамъ.

— Что дѣлаетъ вашъ Петя?

— Какъ же — онъ футуристъ. Пишетъ. Его банкъ уже два года субсидируетъ.

— Ну и какъ? Ничего стихи?

— Последнее время что-то плоховато. Пишетъ мало, больше зубами обои рветъ. Хотятъ его акціонернымъ обществомъ сдѣлать. Мнѣ, какъ матери, половину паевъ уступаютъ, а кухарку Настю правленшею назначаютъ. Все-таки свой человекъ.

* * *

— Вы, кажется, собираетесь сегодня на собраніи произнести рѣчь?

— Собираюсь.

— Прекрасно. Мы васъ финансируемъ.

— Я заикаюсь. Я не принесу никакого дивиденда.

— Это уже не ваше дѣло. Наши слушатели, ваша рѣчь. Выступайте скорѣе, иначе наши конкуренты финансируютъ вашего оппонента. У нихъ арендовано три тысячи слушателей на новую тему. Итакъ, финансируетесь?

— Эхъ, гдѣ наша не пропадала... У меня, между прочимъ, жена начала выжиганію по дереву обучаться — можетъ быть, тоже финансируете?..

Арк. Буховъ.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

Одна изъ петроградскихъ газетъ напечатала интервью съ теоромъ Д. А. Смирновымъ о его сибирской поѣздкѣ.

При переѣздѣ изъ Благовѣщенска, до Хабаровска, мнѣ пришлось, передъ концертомъ, простоять всю ночь у окна вагона, — такъ было много нашихъ „національныхъ“ насѣкомыхъ. Интересно, къ какой національности причисляетъ себя г. Смирновъ?

И говоритъ г. Смирновъ дальше:

Организмъ никакъ не могъ привыкнуть къ тому, что въ Сибири было утро и наступалъ полдень, въ то время, какъ у насъ, въ Петроградѣ, бывала ночь.

Въ результатѣ — днемъ постоянно хотѣлось спать. Приѣхавъ же сюда, я не могу, пока „приспособиться“ къ прежнему, петроградскому времени и въ 6 часовъ вечера, во время обѣда, меня уже клонитъ ко сну, такъ какъ въ городахъ Сибири, гдѣ я провелъ два мѣсяца, въ этотъ часъ была уже полночь...

Поистинѣ, жуткая трагедія: въ Сибири человекъ не могъ спать изъ-за національныхъ насѣкомыхъ, въ Петроградѣ не спитъ изъ-за разницы во времени...

Единственно, чѣмъ человекъ утѣшается, это.

Публика встрѣчала и провожала новаго для нея артиста привѣтливо и требовала безконечныхъ бисовъ, а пресса отнеслась весьма радушно.

Скромность, говорить, украшеніе дѣвушки.

Ни съ какой стороны г. Смирновъ на дѣвушку не похожъ..

Т. К.

ВЪ ПУСТЫРЬ.

На старомъ свѣтѣ — новый свѣтъ,
И новыя мечты;
Манящій сонъ померкшихъ лѣтъ
И блеклой красоты.

Дрожалъ глухой и бѣлый громъ, —
Холодный вѣтеръ мой!
Мой старый домъ стучалъ окномъ
Надъ мокрою травой.

Я въ пустырь бродилъ одинъ,
Въ кругу гниющихъ пней,
Среди живыхъ моихъ руинъ
И жизни новыхъ дней.

Была на пыльномъ чердакѣ,
Въ скрипѣни половицъ,
Въ кустахъ, въ заборахъ, на рѣкѣ,
Въ вечернемъ крикѣ птицъ.
Въ изсохшей мухѣ за стекломъ,
Остаткѣ знойныхъ лѣтъ; —
Въ стопахъ, лежащихъ подъ столомъ
Желтѣющихъ газетъ.

Струилась вѣчная рѣка, —
Вотъ-вотъ, — идутъ они —
Мелькаютъ въ окнахъ чердака
Блистательные дни!

Въ пучкахъ мигающихъ кустовъ,
За глинистымъ холмомъ, —
Мнѣ бѣлый, затхлый кругъ оковъ
Соткалъ мой старый домъ.

Въ заглошмемъ домѣ — духъ степей
И сонъ ушедшихъ лѣтъ..

А въ окнахъ — свѣтъ идущихъ дней, —
Далекій, бѣлый свѣтъ!

А. Дэви.

Рис. Миссъ.

БЛАГОРАЗУМНОЕ ОПАСЕНІЕ.

Кавалеръ нѣкій Гилломе возлюбленной своей говорилъ:

— Любить тебя обѣщаюсь до гроба.

На сіе дѣвица благоразумная отвѣтила:

— Боюсь, чтобы гробъ сей не оказался гробомъ батюшки моего, наслѣдство мнѣ оставляющаго.

ВСТРѢЧА НА СТАНЦИИ КЛИНЬ.

Рис. Ре-мл.

1-й депутатъ: — Здравствуйте, коллега. Вы куда?

2-й депутатъ: — Я изъ имѣнія въ Думу. Пасхальныя каникулы недавно кончились, вотъ я и ѣду. А вы?

1-й депутатъ: — А я изъ Думы въ имѣніе. Лѣтнія каникулы недавно начались, вотъ я и ѣду.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ...

Путевыя записки Аркадія Аверченко.

Если бы кто-либо поинтересовался узнать, — что, главным образом, характеризуетъ пишущаго эти строки, то пишущій эти строки, потупивъ смущенно голову, отвѣчалъ бы тихимъ мелодичнымъ голосомъ:

— Серьезное отношеніе къ самымъ пустымъ вопросамъ — вотъ мое credo.

Напримѣръ: что такое Волга? Рѣка себѣ и рѣка. Течеть себѣ и течеть.

Однако — нѣтъ! И для Волги у меня найдется вдумчивое, внимательное отношеніе, и на Волгу я брошу пристальный, все разгадывающій взглядъ...

Конечно, есть люди, которые, попавъ на Волгу, выйдутъ изъ каюты парохода на палубу, посмотрятъ черезъ бортъ, задумчиво сплунуть въ воду и освѣдомятся съ непроницаемымъ лицомъ у сосѣда: «Это, вотъ, Волга такая?» — «Волга». — «То-то я смотрю — воды много...» На этихъ незначительныхъ словахъ весь интересъ такихъ людей къ Волгѣ и гаснетъ, какъ сырая спичка.

Пусть же теперь читатель оцѣнитъ мое отношеніе къ Волгѣ.

* * *

Съ большимъ трудомъ мнѣ удалось выяснитъ, что въ древнія времена Волга была извѣстна подъ названіемъ Ра, позднѣе — подъ именемъ Итиль, а потомъ — Волга, что въ переводѣ съ черемисскаго значитъ «святая». Конечно, черемисскій языкъ я знаю очень поверхностно, но этотъ переводъ, мнѣ кажется, я исполнилъ удовлетворительно.

Первыя же два названія, конечно, остались только у историко-географовъ и, поэтому, спрашивать на пристани «Самолета», имѣется ли у нихъ билетъ внизъ по Итиль, или пѣть хоромъ: «Внизъ по матушкѣ, по Ра» — не рекомендуется. Ниже, я всюду буду называть Волгу — Волгой, что легче и доступнѣе для читателей малоученыхъ и незнакомыхъ съ исторической географіей.

Всякій русскій, конечно, будетъ очень польщенъ, узнавъ, что Волга во всей Европѣ самая длинная рѣка. Длина Волги — 3440 верстъ. Это былъ гигантскій трудъ, но пишущій настоящія строки самъ убѣдился въ этомъ. Волга течетъ внизъ по теченію, выгодно отличаясь этимъ отъ другихъ рѣкъ, которыя нигде не текутъ, почему ихъ и называютъ озерами (см. Ладожское озеро). Волга ограничена берегами и то не всегда. Весной она выходитъ изъ себя, разливаясь такъ, что изъ воды торчатъ только телеграфные столбы да дымовыя трубы. Потомъ — дальше къ лѣту — Волга успокаивается, худѣетъ, чахнетъ и течетъ, какъ говорятъ черемисы, «изъ кульки въ рогожку».

Если бы кто-нибудь показалъ вамъ самое начало Волги (деревня Чуровая, Осташковскаго уѣзда) — вы бы разсмѣялись въ лицо показавшему: «Вотъ это Волга? Да я наступлю на нее ногой — она и не потечетъ дальше». Конечно, вы можете это сдѣлать, но будетъ большой наивностью предполагать, что сейчасъ же, послѣ вашего легкомысленнаго поступка Волга на всемъ протяженіи, до Астрахани, перестанетъ течь, обмелѣетъ, высохнетъ, и всѣ пароходы и баржи, беспомощно повалятся на бокъ, неумѣло барахтаясь колесами на сыромъ грязномъ днѣ... Нѣтъ! Вы можете наступить на ручеекъ обѣими ногами, можете лечь поперекъ и отвести русло на другой путь — Волга останется Волгой и будетъ течь, даже не поморщившись отъ вашей выходки.

— Почему? — спроситъ любопытный читатель.

Очень просто: вся штука въ притокахъ. Ихъ около трехсотъ. Это точно. Несмотря на гигантскій трудъ, пишущій эти строки самъ, лично... и т. д.

Смѣшнѣе всего, что Волга, вытекающая ручейкомъ при дер. Чуровой, называется тамъ «Руна» и только слившись съ озеромъ Стержь, выливается изъ него подъ именемъ Волги. Это нелогично. Если жена, соединившись узами брака съ мужемъ и теряетъ свою фамилію, то все же она получаетъ фамилію мужа, а тутъ — что выходитъ? Руна соединяется со Стержемъ, а получается Волга. Впрочемъ, можетъ быть, это химическое соединеніе.

Начало Волги напоминаетъ мнѣ тверского мужичка, вышедшаго изъ своей захолустной деревеньки въ лаптяхъ и полотняной рубахѣ, пришедшаго пѣшкомъ въ Москву и немовѣрно тамъ разбогатѣвшаго. Дѣйствительно: течетъ жал-

кій ручеекъ... Течетъ-течетъ, вдругъ встрѣчается озеро. Поглядѣлъ мужикъ-ручеекъ, прикарманилъ озеро, потекъ дальше. Глядь — Селижаровка течетъ. «Селижаровка? — какъ гоголевскій Осипъ журчитъ пополнѣвшій ручей. — Давай сюда и Селижаровку... И Селижаровка пригодится». Принялъ въ себя Селижаровку, пошелъ дальше уже большой пухлый, заважничавшій. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше богатѣетъ мужикъ... Уже онъ принимаетъ въ себя, съѣдаетъ съ костями такихъ богатырей-богатѣевъ, какъ Ока и Кама, такихъ богатѣевъ, которые раньше, когда онъ вышелъ въ лаптяхъ изъ деревни Чуровой — и смотрѣть бы на него не хотѣли.

А мужичекъ все растетъ, все пухнетъ, все богатѣетъ, несется уже, очертя голову, такимъ важнымъ миллионщикомъ Саввой Морозовымъ, такимъ русскимъ Пирпонтъ Морганомъ.

Какъ мужикъ предусмотрительный, несмотря на хорошее дѣло, и въ банкъ кое-что откладываетъ на черный день. Въ 80 верстахъ отъ истока устроена на Волгѣ запруда въ 7 сажень высотой («Волжскій бойшлотъ»). При помощи этой запруды образуется водохранилище, сберегающее до 40 миллионъ кубическихъ саж. воды. Въ глухое лѣтнее время, когда мужикъ мелѣетъ «затрудняется деньгой», эта запруда открывается, свѣжіе миллионы обрушиваются внизъ и течетъ ихъ такъ много, что даже до Рыбинска сказывается ихъ влияніе.

* * *

Впадаетъ Волга, какъ извѣстно, въ Черное море. (Можетъ быть, это не такъ ужъ извѣстно, но въ настоящемъ случаѣ авторъ съ присущимъ ему стремленіемъ къ оригинальному, хотѣлъ избѣжать шаблона, такъ навязшаго у всѣхъ въ зубахъ).

* * *

Волжскіе города...

Вотъ несложный рецептъ приготовленія волжскаго города: берется живописный обрывъ, густо посыпается пылью, покрывается нѣкоторымъ количествомъ вони и подается: зимой — очень холоднымъ, лѣтомъ — свирѣпо, до обжога, горячимъ. Въ пыли разводятся люди, которые, скопляясь внизу обрыва на пристаняхъ, таскаютъ какіе-то мѣшки и ругаются такъ, что оглушенная рыба переворачивается брюшкомъ кверху и всплываетъ на поверхность рѣки, гдѣ ее и ловятъ (такъ наз. рыбные промыслы).

Недаромъ поэтъ сказалъ:

Выдь на Волгу: чей стонъ раздастся?

Понятно чей: несчастнаго пароходнаго пассажира, который въ шесть часовъ утра пробуждается въ своей каютѣ отъ неистоваго грохота и пронзительной, всепроникающей отборной волжской брани.

Ошеломленный пассажиръ скатывается съ кровати и, накинувъ на себя спасательный нагрудникъ, бѣжитъ къ капитану.

— Что случилось?!

— Муку грузимъ.

— Зачѣмъ же такъ громко? И зачѣмъ такъ неприлично?

— Мука, знаете, — неопредѣленно оправдывается капитанъ.

Мука здѣсь не при чемъ. Если бы волжскіе дикари грузили французскіе духи, молитвенники, или парижскія фіалки — все это грузилось бы такъ же громко и неприлично.

Волжскій городъ — квинтъ-эссенція пыли, грязи, неблагоустройства и дурного запаха. Волжская пристань — квинтъ-эссенція города.

Гдѣ, на какой фабрикѣ выдѣлывается вся та грязь и зловошіе, которыми покрыты, овѣяны волжскія пристани? Гдѣ, на какой человѣческой фабрикѣ выдѣлываются столь удивительныя человѣкообразныя, несущіяся на васъ съ мутнымъ озвѣрѣвшимъ взглядомъ, съ хриплой бранью на устахъ и съ десятипудовымъ мѣшкомъ за плечами?.. Кто тебя выдумалъ, волжскій грузчикъ? Ну, раньше тебя эксплуатировали, ты получалъ гроши, былъ забитъ и загнанъ. Но, вѣдь, теперь ты сеньоръ, ты persona grata, ты получаешь отъ 5 до 10 рублей въ день, за тобой ухаживаютъ, тебѣ льстятъ... По-

Рис. Н. Р.

В О Ж Д Ь .

НАРОДНЫЕ ПЕЧАЛЬНИКИ.

Депутатъ: — Какъ жаль, что закрылась Дума.

— А что, у васъ были важные запросы?

Депутатъ: — Нѣтъ. Просто, я придумалъ нѣсколько веселыхъ репликъ съ мѣста.

чему же ты до сихъ поръ остаешься грязнымъ, циничнымъ животнымъ, многоуважаемый волжскій грузчикъ? Вѣдь ты уже можешь смѣнить отвратительную зловонную рвань, болтающуюся на твоёмъ грѣшномъ тѣлѣ, на приличный крѣпкій рабочій костюмъ? Вѣдь ты могъ бы, милый симпатичный грузчикъ, въ свободное время сходить въ кинематографъ или прочесть книжку, изъ которой узналъ бы, что кромѣ поминовения родителей, при каждомъ наваленномъ тебѣ на спину мѣшкѣ, есть еще и другія слова, знакомыя тебѣ, простыя, свѣтлыя слова, но оставленныя тобой въ забросѣ, ради мутной, циничной, тебѣ самому опротивѣвшей брани? .. Или ужъ это твой стиль, твоя природа — «порочный духъ въ грязномъ тѣлѣ», вопреки античной формулѣ, такой ясной и прозрачной. Или ужъ ты такъ себя хорошо чувствуешь въ своей заматерѣлости, что не нужны тебѣ ни книжки, ни театр, ни чистая крѣпкая одежда? ..

Эхъ, волжскій грузчикъ! Не поймемъ мы съ тобой, братецъ, другъ друга: ни я тебя не понимаю, ни ты меня не поймешь — какой бы рѣкой я передъ тобой ни разливался... И будемъ мы такъ до скончанія дней нашихъ смотрѣть другъ на друга: я на тебя съ высоты пароходнаго борта, съ ужасомъ и болью сердца, ты на меня снизу, согнувшись, какъ атлетъ, подъ тяжелымъ грузомъ — съ тупымъ равнодушіемъ и съ трехъэтажной бранью, которой ты скучающе осыпашь всѣхъ встрѣчныхъ и поперечныхъ.

Эхъ, грузчикъ! Вѣдь и для тебя небо ночью бываетъ въ алмазахъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Арк. Аверченко.

Дождь падалъ вчера каскадомъ.
Я взошелъ на одно изъ крылецъ
Съ навѣсомъ. Какой-то оборванецъ
Тоже взобрался на крыльцо.
Мы разговорились. Подъ халатомъ
У него обезьянка. Онъ бѣглець
Изъ Македоніи, бывшій повстанецъ.
Тошее гордое лицо,
Нестарое; въ темныхъ морщинахъ.
Изъ его исковерканныхъ словъ
Я понялъ: онъ — предводитель
Одной изъ маленькихъ четъ.
Въ невѣдомыхъ горныхъ лощинахъ
Съ отрядомъ буйныхъ головъ
Онъ жилъ, какъ вождь и учитель...
Я далъ бы ему нѣсколько монетъ,
Но кошелекъ мой былъ пустъ... А сегодня,
Въ июльскій обѣденный зной,
Я сижу на ресторанной верандѣ
И пью златоиглое вино.
Ты играешь, рука Господня,
Въ фанты съ другими и со мной!
Все дѣло въ вынутомъ фантѣ:
Что выйдетъ — вершина или дно?
Мнѣ проиграно, отыграно на македонцѣ:
Недавно народный вождь,
Онъ бродитъ съ мартышкой, не зная,
Будетъ ли сегодня ѣсть!..
Когда слишкомъ большое солнце,
Или слишкомъ большой дождь, —
Понимаешь, что жизнь иная,
Чѣмъ та, которая есть...

Ал. Вознесенскій.

НЕДОНОШЕННЫЕ РАЗСКАЗЫ.

(Изъ записной книжки.)

14.

Юный человекъ.

По улицѣ шелъ мальчикъ и несъ на головѣ плетеную пустую корзинку.

Меня поразило избытокъ силъ, бушевавшій въ его юномъ крѣпкомъ тѣлѣ и рвавшійся наружу десятками способовъ...

И я началъ слѣдить за нимъ.

Я шелъ за нимъ и внимательно слѣдилъ, во что выливается буйная, кипучая энергія юнаго человекъ.

Сначала шелъ онъ по тротуарамъ, стараясь идти по самому краю, по узенькой, не шире ладони, каменной каймѣ. Онъ мучительно изгибался при этомъ, балансируя свободной рукой (другая рука поддерживала корзинку).

Вскорѣ, однако, это надоѣло ему. Онъ отошелъ отъ края тротуара, но началъ шагать не просто, а переставляя ноги кренделемъ, т. е. переступая правой ногой черезъ лѣвую и наоборотъ.

Затѣмъ его увлекло новое занятіе. На тротуарѣ валялся комъ свернутой засаленной бумаги. Онъ сталъ отшвыривать его ногой. И бѣдная бумага пропутешествовала съ нимъ квартала полтора.

Послѣ этого онъ началъ свистать, потомъ пѣть. Потомъ произносить бессмысленныя слова и дѣлать отвратительныя гримасы. Потомъ барабанить по каждой вывѣскѣ, приходящейся въ уровень его свободной рукъ.

Когда не было вывѣсокъ, онъ просто гладилъ стѣны домовъ, вода по нимъ пальцами.

По водосточнымъ трубамъ онъ неизмѣнно ударялъ кулакомъ. Попадавшіяся по пути афиши, если онѣ были плохо приклеены, срывалъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Я изумлялся его неумоимости. Онъ все время работалъ. А было очень жарко. Былъ одинъ изъ самыхъ жаркихъ лѣтнихъ дней.

Онъ работалъ, но удовольствіе не было на его раскраснѣвшемся и запачканномъ лицѣ. Онъ какъ будто даже томился.

И я терпѣливо шелъ за нимъ и ждалъ, когда онъ, наконецъ, успокоится и появится ли тогда на его лицѣ хоть какое-нибудь удовольствіе.

Я шелъ за нимъ долго. Внимательно слѣдилъ. Терпѣливо ждалъ.

Наконецъ, дождался.

Проходя мимо какого-то банка, онъ заинтересовался двумя каменными львами, охранявшими главный входъ.

Львы были прекрасны. Онъ ихъ вѣяло мощью, благородной гордостью и изящной величавостью.

Мальчикъ остановился. Внимательно осмотрѣлъ ихъ. Лицо у него было серьезно, даже чуть-чуть мрачно.

Затѣмъ, съ тѣмъ же серьезнымъ лицомъ, онъ вдругъ снялъ съ головы корзину, размахнулся, подпрыгнулъ и ударилъ сначала одного льва по оскаленной пасти, а потомъ, такъ же размахнувшись и подпрыгнувъ, — другого... —

И — успокоился.

Послѣ этого юный человекъ продолжалъ путь, не отличаясь отъ сотенъ и тысячъ взрослыхъ людей...

Ефимъ Зозуля.

У Л Ы Б К И В Е Ч Е Р А .

Въ скверѣ.

Я сижу на скамейкѣ остывшаго сквера.
Купилъ въ ларькѣ сырыхъ папирозъ...
Тянетъ влажнымъ туманомъ, а гдѣ то Ривьера,
Гдѣ-то клумбы томятся медвянностью розъ...

Здѣсь ихъ нѣтъ, но зато тамъ никто не увидитъ
Этихъ дѣвушекъ чахлахъ въ нарядныхъ манти,
Такъ привыкшихъ къ тому, что ихъ кто-то обидитъ
И поѣдетъ играть равнодушно въ лото...
Выхожу... вновь бреду по вечерней панели —
На панели эспри и цилиндровъ ряды,
А сойдите съ нея (провожу параллели)
Тѣ-же пышныя гривы, хвосты и зады...
Мнѣ любовь улыбнулась, какъ сонъ надъ осокой,
Словно въ ночи осенней мерцанье огня...
Кто мнѣ скажетъ о той, кто былъ сказкой далекой,
Приласкавшей случайно меня...
Не она ли прошла съ голубой вуалеткой,
Улыбаясь еще не забытой веснѣ.
Не окликнуть — на улицахъ сходство нерѣдко, —
А она приходила ко мнѣ лишь во снѣ.
Вечеръ ласково таетъ и прячетъ улыбки —
Стало черепомъ жуткимъ у дамы лицо...
Только въ вечерѣ скрыты волшебныя скрипки.
Только вечеръ волшебное носить кольцо!

Сергѣй Михѣевъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Русское.

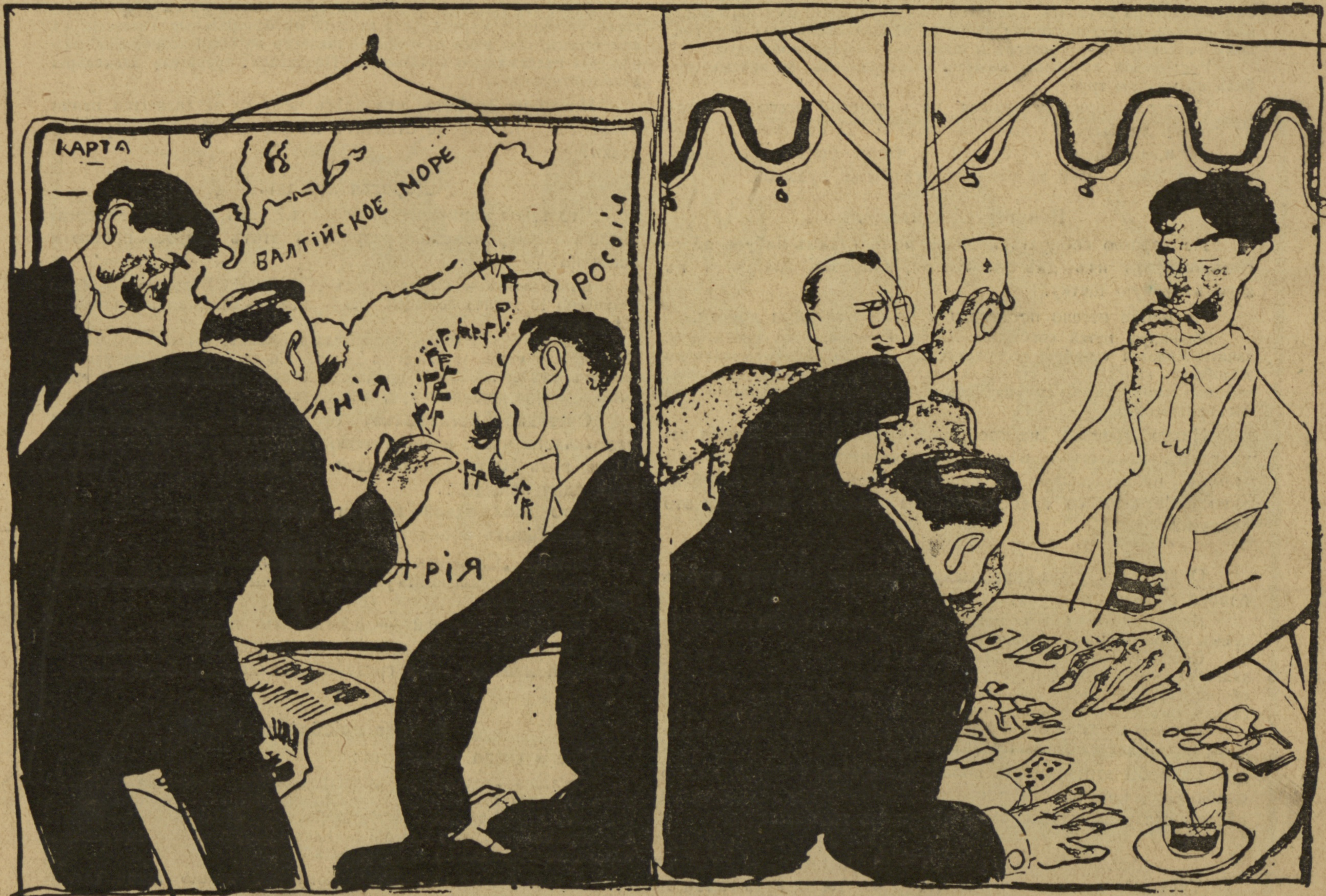
Черниговскій земець В. М. Хижняковъ рисуетъ въ своихъ мемуарахъ прежнихъ черниговскихъ помпадуровъ яркими, не успѣвшими еще выцвѣсть красками...

Вотъ мазокъ изъ жизни черниговскаго губернатора Анастасьева:

Вскорѣ послѣ прибытія Анастасьева въ Черниговъ произошелъ слѣдующій эпизодъ. Войдя въ гостиную своей квартиры, Анастасьевъ

У Т Ъ Х И Т Ы Л А .

Рис. В. Лебедева.

Сначала они долго сидѣли за картами.

И теперь они долго сидятъ за картами.

нашел там гостью, приехавшую навѣстить его больную жену. Дамы, как водится, разговаривали о прислугѣ, при чем гостя описывала незначительность своей кухарки. Губернаторъ постоялъ съ минуту и молча ушелъ въ кабинетъ. Каково же было изумленіе дамы, когда, вернувшись къ обѣду домой, она была встрѣчена кухаркой, которая бросилась къ ней съ рыданіями и проклятіями и сообщила, что ее только-что подвергнули въ полиціи истязанію. Оказалось, что губернаторъ, желая сдѣлать своей гостѣ приятный сюрпризъ, распорядился по телефону, чтобы ея кухарку выпороли, что и было безотлагательно и съ большихъ усердіемъ исполнено.

— За такимъ губернаторомъ, — могли сказать чернильцы, — какъ за каменной стѣной: будто въ тюрьмѣ сидишь.

Верхъ недовѣрчивости.

У кievской полиціи открылась психическая болѣзнь, извѣстная у психіатровъ подъ названіемъ:

— Манія преслѣдованія.

Только болѣзнь эта съ другой стороны: не больного преслѣдуетъ, а онъ преслѣдуетъ:

Кievскій полицеймейстеръ Горностаевъ въ приказѣ по полиціи объявляетъ, что чины наружной сыскной полиціи позволяютъ себѣ задерживать на улицахъ лицъ, не совершившихъ никакого проступка, и доставляютъ ихъ въ участки, откуда послѣ проверки освобождаютъ, причѣмъ въ большинствѣ случаевъ задерживать этихъ лицъ не было никакой надобности.

Недавно былъ такой случай:

Шелъ человекъ съ бутылкой Боржома. Городовой, заподозривъ въ бутылкѣ спиртъ, задержалъ прохожаго и доставилъ его въ участокъ, гдѣ околотоchnый, не ограничившись обзорѣніемъ характерной укупорки Боржома, вскрылъ бутылку, попробовалъ минеральную воду и отпустилъ задержаннаго.

Хорошо, что у задержаннаго была всего одна бутылка Боржому. Что если бы ихъ было двадцать?.. Всѣ бы пришлось перепробовать умному околотоchnому — пока коса смерти не опустилась на эту недовѣрчивую голову.

И когда бы хоронили его — другіе околотоchnые должны были возложить на его гробъ вѣнокъ съ надписью:

— Жертвѣ долга.

Трубные звуки.

Все пошло шиворотъ на выворотъ: „жильца съ тромбономъ“ замѣнилъ домовладѣлецъ съ тромбономъ:

Въ Екатеринославѣ домовладѣлецъ мировой судья статскій совѣтникъ Русаловскій оштрафованъ генераль-губенаторомъ на 3,000 р., съ замѣной при неуплатѣ высылкой изъ предѣловъ одесскаго военного округа, за недопустимыя дѣйствія, направленные къ самоуправному выселенію квартирантовъ и повышенію квартирной платы.

Русаловскій съ цѣлю выжить квартирантовъ, по ночамъ трубилъ въ мѣдную трубу.

Поневоля призадумался надъ тщетою всего земного: ну стоитъ ли быть 1) домовладѣльцемъ, 2) статскимъ совѣтникомъ и, наконецъ, 3) судьей — чтобы быть оштрафованнымъ на 300 рублей за невинное увлеченіе музыкой.

Неинтересное чтеніе.

Не хорошо собирать подписи подъ какимъ-нибудь адресомъ, собрать ихъ двѣ-три тысячи, а потомъ завернуть въ адресъ зубную щетку.

Не менѣе весело поступали и наши желѣзные дороги.

Министръ путей сообщенія А. Э. Треповъ, какъ сообщаютъ, заинтересовался судьбою пассажирскихъ жалобъ, записываемыхъ въ жалобныхъ книгахъ при станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. Выяснилось, что по этимъ жалобамъ никакихъ специальныхъ разслѣдованій не предпринималось.

Никто, конечно, не требуетъ, чтобы каждая жалоба заучивалась наизусть и пѣлась на вечеринкахъ у начальника станціи, но заглядывать въ каждую жалобную книгу необходимо. Неужели со времени Чехова никто не догадался это сдѣлать?

Досуги тыла.

О досугахъ тыла прекрасную картину рисуешь отчетъ одного столичнаго клуба:

Интереснѣйшія данныя можно почерпнуть изъ отчета о движеніи суммъ петроградскаго Благороднаго Собранія.

Общій приходъ за 5 мѣсяцевъ, съ 1 января по 1 июня, выразился въ суммѣ 345.000 р., отъ продажи картъ — 52.000 р. Общій оборотъ карточныхъ столовъ трудно поддается учету, но во всякомъ случаѣ, онъ превышаетъ миллиардъ рублей за истекшіе пять мѣсяцевъ.

Расходы клуба за 5 мѣсяцевъ около 55 тыс. руб. Такимъ образомъ чистый доходъ равняется 290.000 руб.

Если бы этотъ отчетъ положить на вѣсы Исторіи, ничего особеннаго, конечно, не произошло бы — только одна чашка вѣсовъ сразу заржавѣла бы и покрылась гнилью.

Турецкій геній.

Турецкое правительство рѣшило встать на путь самостоятельной работы, безъ помощи берлинскихъ политиковъ. Первая реформа оказалась слѣдующей:

БУКАРЕСТЪ. Изъ Константинополя сообщаютъ:

„Официально объявляется, что подданнымъ воюющихъ державъ, имѣющимъ разрѣшеніе оставаться на улицахъ столицы до 9 час. вечера, нынѣ, въ виду сильной жары, разрѣшается прогулка до 10 часовъ вечера.“

Голодающимъ въ Константинополь болгарамъ это должно нравиться. Въ десять часовъ темнѣе.

Весельчаки.

Сотрудники „Новаго Времени“ должны сочувствовать этому турецкому начинанію, потому-что ранній выходъ на улицу позволяетъ жарѣ сильно разстраивать ихъ мозговую систему. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить появленіе въ газетѣ такихъ строкъ:

Имена депутатовъ, голосовавшихъ въ защиту колонистовъ, нельзя не передать въ какую-нибудь историческую хрестоматию хотя бы въ такомъ видѣ:

Александровъ, Аристаровъ,
Бомашъ, Бубликовъ, Алмазовъ,
Байтериковъ, Винбергъ, Гамовъ,
Воронковъ, Аджемовъ, Гладышъ,
Годневъ, Гупоупъ и Дзюбинскій,
Старлычановъ и Сувчинскій,
Эрнъ, Керенскій, Поздняковъ,
Кейнисъ, Тевкелевъ, Сверчковъ,
Пападжановъ, Пепеляевъ,
Графъ Орловъ и Николаевъ и т. д.

Въ стихахъ много чувства, лирики и непосредственной свѣжести ума, но для физиономіи газеты лучше бы заняться рижовкой трамвайныхъ маршрутовъ и прачешныхъ заведеній, чѣмъ подходить съ игриво поднятымъ хвостомъ къ самой же поднятому вопросу. Охотники увѣряютъ, что по веселому хвосту узнается скверная порода его обладателя.

Оглобля въ колесѣ.

Даже „Новое Время“, помѣщая это сообщеніе, возмущенно косится и называетъ его „Канцелярщина“. Дѣло идетъ объ одномъ сибирскомъ городѣ, гдѣ мѣстный продовольственный комитетъ получилъ такое извѣщеніе.

Канцелярія генераль-губернатора по приказанію его высокопревосходительства имѣетъ честь увѣдомить комитетъ, съ возвращеніемъ пакета его, что главный начальникъ края лишенъ въ силу дѣйствующихъ узаконеній возможности входить въ официальные сношенія съ комитетомъ, такъ какъ на открытіе такового не было испрошено разрѣшенія подлежащаго начальства. Подписали: правитель канцеляріи дѣлопроизводитель...

Никто не скажетъ, что здѣсь чему-то вставляются палки въ колеса. Кто же не отличитъ цѣлую оглоблю отъ простой палки?

Дорогая лошадь.

Что такое коммерческой оборотъ? Въ г. Рославль организациа „Сѣверопомощь“ разрѣшила этотъ вопросъ просто и наглядно:

Въ Рославль — рассказываетъ „Смоленскій Вѣстникъ“ — было закуплено 10 тысячъ лошадей. Закупка велась самымъ примитивнымъ образомъ.

Приводилась лошадь, записывался ярлыкъ, выдавались деньги. Купленную лошадь загоняли во дворъ. Со двора она часто уходила въ лугъ, гдѣ ее ловили и продавали снова. Такимъ образомъ одну лошадь иногда продавали три, четыре раза.

Очевидно, рославльскія организациа „Сѣверопомощь“ разсуждаетъ чисто математически: безразлично — покупать ли одинъ разъ 10 тысячъ лошадей или покупать десять тысячъ разъ одну лошадь...

Зато этой одной лошади цѣны не будетъ — около 3-хъ милліоновъ обойдется.

Дальше „Смоленск. Вѣстн.“ пишетъ:

Приходилось наблюдать ужасныя картины: лошади грызли ограду, телѣги, ѣли землю.

Не знали лошади — чѣмъ имъ питаться... Нужно было слопать только одного завѣдывающаго рославльскіой „Сѣверопомощью“ — и сразу бы всѣ лошади были сыты.

Цѣнное приобрѣтеніе.

Россія скоро обогатится:

Согласно предложенію министра юстиціи, министръ иностранныхъ дѣлъ вошелъ въ переговоры со швейцарскимъ правительствомъ о выдачѣ Россіи профессора Мережковскаго, обвиняемаго въ растлѣніи своей воспитанницы Калеріи К. Какъ передаютъ, швейцарское правительство изъявило на это свое согласіе.

А еще бы не изъявило! Кому же нужно такое сокровище...

НЕ ВЛИВАЙТЕ ВИНО НОВОЕ ВЪ МЪХИ СТАРЫЕ.

„На съездѣ директоровъ среднихъ учебныхъ заведенийъ было обращено особое вниманіе на эстетическое развитіе молодежи.“

(Изъ газетъ.)

Рис. А. Радакова.

— Господа педагоги! Настало время новыхъ отношеній къ учащимся, пусть же „педагоги въ фулярахъ“ разобьютъ свои фуляры.

— Вотъ теперь, безъ фуляровъ, вамъ легче будетъ приняться за эстетическое развитіе молодежи.

ПАРАЗИТЪ.

Онъ первый разъ зацвѣлъ въ манежѣ скетингъ-ринка
И даже въ тѣ часы, когда броскомъ чернилъ,
Замазывалъ носокъ подъ дыркою ботинка,
Онъ въ мышцахъ чувствовалъ притокъ лѣнивыхъ силъ...
Отъ трехъ и до пяти бродя въ толпѣ, на Невскомъ,
Онъ зорко изучалъ уродовъ плоскихъ лбы
И, очарованный бриллиантовъ Тета блескомъ,
Таилъ одну мечту — взять счастье безъ борьбы...
Она сама его нашла... Въ кафэ, на хрипломъ стулѣ...
Царица вешнихъ пчелъ ждала весной самца,
Чтобъ унести его въ благоуханный улей,
Гдѣ плещетъ хмѣльный медъ, гдѣ счастье безъ конца...
Онъ раньше различалъ ихъ по дыханью, взгляду,
Какъ запахи цвѣтовъ: левкоевъ, розъ, гвоздикъ.
Вѣдь у одной въ глуби — часоушка... лампада...
А у другой — все: грѣхъ, прекрасный лживый мигъ...
Но липы не цвѣтутъ... Въ поляхъ покошенъ клеверъ,
И трутнямъ не найти душистыхъ вешнихъ сотъ,
Грачи надъ скверами кричатъ, бросая сѣверъ,
И на Невѣ свистѣлъ послѣдній пароходъ...
А что жъ его глаза, что зеркаломъ служили,
Для первыхъ тайнъ любви дѣвичьихъ жадныхъ глазъ?...
На нихъ теперь налетъ какой-то сальной пыли,
И трусость все сознать въ одинъ послѣдній разъ.
Теперь онъ ужъ дрожитъ, читая въ тинѣ взгляда,
На что еще есть спросъ... Согнулся, словно ждетъ,
Что вотъ его хлынутъ за ветхость маскарада,
За слабость чахлахъ ногъ, за искривленный ротъ...
И новый поставщикъ безбрежнаго кладбища,
Онъ носить кокаинъ въ унылыхъ этажахъ.
Но столько рвущихъ ртовъ у заработной пици,
А онъ плохой актеръ на выходныхъ роляхъ.
Потеря воротникъ и порвана перчатка,
Ютясь почти въ углахъ, онъ все же рѣдко сытъ, —
А кто-то выплюнулъ, глядя брезгливо, гадко,
Насмѣшливый ярлыкъ: «Кафэйный паразитъ»!..

С. М.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Говорятъ, что нѣтъ семьи безъ урда. Не менѣе правильно и такое заключеніе: нѣтъ урда безъ семьи.

По крайней мѣрѣ, редакторъ альманаха „Пѣта“ составилъ себѣ литературную семью, не опровергающую этой истины.

Когда кто-нибудь изъ семьи садится писать стихи, сосѣдямъ становится страшно, а у поэта выходитъ красиво и гладко:

*Хрищи скрипомъ по дорогъ
Внизъ отъ больницы душевно-больныхъ
Хриплымъ удушеніемъ сердцевенія.
Символизирующимъ кругомъ насыпи
Въ ненормальности горко,
Одичаніемъ насыпь.
Душевнобольницу душно.
Хребетъ въ роци розыскъ сердца,
Равнинъ славянъ славно переѣздъ;
Въ ларцахъ скребеніе удушливо потное
Въ исканіи душевнобольницы.
Урядниковъ клоповъ раздавъ.
Сердце на бутафортъ
Иногда въ карманъ абортъ.
Словомъ въ карманъ спрячешь.*

Зато, когда карманъ избѣгаетъ этой трудной и небезопасной для здоровья операциі, получается свѣжо и ярко:

*И не тангируютъ сомнѣнья,
Невинностью припудря лица,
А этотъ ускользнувшій день
Не на автомобиль мчитъся.
И не растраченностью гордо
Сердце, закованныхъ въ перчатки, —
Сквозь охладившихся ретортъ
„Замѣченныхъ опечатки“.*

Одинъ изъ героевъ Гамсуна убѣждаетъ свою возлюбленную:
— Хорошо жить на свѣтѣ... Видишь, тамъ въ долинѣ пасется на лугу скотина... Навѣрое и у нея есть своя философія...

*

Всѣ газеты и журналы вслѣдствіе дороговизны увеличиваютъ цѣну на свои изданія, о чемъ и ставятъ въ извѣстность своихъ читателей, стараясь какъ можно мягче и деликатнѣе продѣлать надъ читателемъ эту мучительную операцию...

„Новая Маленькая Газета“ наоборотъ — любитъ безо всякихъ эквивоковъ хватать быка за рога. Обращеніе къ читателямъ о добавочной цѣнѣ редакция озаглавила такъ:

„О добавочной копѣйкѣ, безъ которой сдохнешь“.

— Что за слова, Антоша!?

— Правильно! — кричитъ редакторъ „Маленькой Газеты“ Дядя Ваня. — У нашего читателя шея пятьдесятъ сантиметровъ и не боится никакихъ словъ! Паррадь, алло!

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукописи не возвращаются по почтѣ, даже при условіи присылки марокъ.)

Редакція не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченіе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Провинція.

Житомиръ. — С. Рак-совой. — Съ чувствомъ громаднаго сожалѣнія должны отказать въ вашей просьбѣ напечатать эту прекрасную вещицу:

*„Скалы. Лѣсъ. Сосны. Ели.
Бду въ саняхъ развальняхъ.
Наши щеки обморозѣли.
Точно раки въ кастрюляхъ!“*

Напрасно растрчиваете благоуханный талантъ на литературу. Переноска-строительныхъ матеріаловъ, или горячая работа на паровой пристани — вотъ мѣсто, которое безбоязненно могло бы дать широкую дорогу для развитія вашихъ природныхъ способностей.

Москва.

С. Л. — Въ наше меркантильное время С. Л. выказываетъ себя нѣжнымъ и способнымъ на хорошій порывъ человѣкомъ:

*„На гитарѣ восьмиструнной
Пѣсни миленькой игралъ
И ее той ночью лунной,
Такъ безумно цѣловалъ.“*

Можно очень любить струнные инструменты, но просто не стоитъ расточать для него столько бурныхъ чувствъ. Даже если это гитара.

Таганрогъ. — А. Тр-онко У васъ прекрасное знаніе быта и красивый образный языкъ.

*„Въ Кафе-шантанѣ“ шансонетокъ
Такая масса, Боже мой,
Тамъ сбродъ: французенки и польки
И разныя мамзель, дѣвченки.
Тамъ молодыхъ и старыхъ обожаютъ,
Въ карманы тайно залѣзаютъ
И когда у гостя нѣтъ ужъ ни гроша
Всѣ шансонетки отъ него ужъ убѣгаютъ.“*

Почему вы посылаете такіе стихи къ намъ, нечуткимъ людямъ, непонимающимъ настоящей поэзіи? Въ чисто художественныхъ журналахъ отъ авторовъ такіе стихи силой вырываютъ. Даже вмѣстѣ съ головой и руками.

Арк. Б.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59—07.

Выписывающіе со склада издательства на сумму не менѣе 3-хъ руб., за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать мѣрками почтовыми и гербовыми.

Аркадій Аверченко.

- О маленькихъ — для большихъ.
(Разсказы о дѣтяхъ.)
Цѣна 1 р. 50 к.
- О хорошихъ, въ сущности, людяхъ.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Чернымъ по бѣлому.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Сатириконцы въ Европѣ.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Чудеса въ рѣшетѣ.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Разсказы для выздоравливающихъ.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Веселыя устрицы.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Круги по водѣ.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Волчи ямы.
Цѣна 60 к.

Тэффи.

- Неживой Звѣрь.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Ничего подобнаго.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Дымъ безъ огня.
Цѣна 1 р. 50 к.
- Карусель.
Цѣна 1 р. 50 к.
- И стало такъ.
Цѣна 1 р. 50 к.

Юрій Слезкинъ.

- Повѣсти о странностяхъ любви.
Цѣна 1 р. 50 к.

Оома Опискинъ.

(Съ предисловіемъ Аверченко и портретомъ автора.)

- Сорныя травы.
Цѣна 1 р. 25 к.

Владиміръ Воиновъ.

- Солнечные разсказы.
Цѣна 1 р. 25 к.

Исидоръ Гуревичъ.

- Сигнальныя ракеты.
Цѣна 1 р. 25 к.

Сергѣй Горный.

- Почти безъ улыбки.
Цѣна 1 р. 10 к.

Дмитрій Цензоръ.

- Легенда будней. (Лирика.)
Цѣна 1 р. 25 к.

А. Мюрже.

- Богема. (Романъ.)
Цѣна 1 р. 25 к.

Юмористическіе альманахи „Новаго Сатирикона“ при участіи авторовъ:

А. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, Евг. Вѣнскаго, Исид. Гуревича, Е. Дольскаго, О. Дымова, Г. Ландау, О. Л. Д'Орь и Тэффи. Иллюстраціи художниковъ А. Радакова, В. Лебедева, Ре-ми и А. Юнгера. Обложки работы художника Ре-ми.

- 1) Осиновый колъ на могилу зеленого змія. Цѣна 1 р. 50 к.
- 2) Теплая компанія (Съ кѣмъ мы воюемъ). Цѣна 1 р. 25 к.
- 3) Письмовникъ „Нов. Сатирикона“ съ приложеніемъ самоучителя танцевъ и танцевальн. разговоровъ. Цѣна 1 р. 25 к.
- 4) Физиологія и анатомія человѣка съ приложеніемъ психологіи человѣка. Цѣна 1 р. 50 к.
- 5) Всеобщая исторія, обработанная Сатириконцами. Цѣна 1 р. 50 к.

Театральная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Аркадій Аверченко.	Томъ 1-й.	8 одноактныхъ пьесъ.	Цѣна 2 р.
”	”	2-й. Монологи и миниатюры для сцены.	Цѣна 2 р.
”	”	3-й. Чортова дюжина (двѣнадцать пьесъ).	Цѣна 2 р.
”	”	4-й. Бенгальскіе огни (пьесы и водевили).	Цѣна 2 р.
”	”	5-й. Безъ суфлера (пьесы и монологи).	Цѣна 1 р. 50 к.
Тэффи.	” 1-й.	8 миниатюръ.	Цѣна 2 руб.
”	” 2-й.	Новыя миниатюры.	Цѣна 2 руб.

Карманная библіотека „Новаго Сатирикона“.

Выпускъ 1-й.	Ал. Гринъ.	Происшествіе въ улицѣ Пса.	Цѣна 50 к.
” 2-й.	Гр. Алексѣй Толстой.	Оріонъ.	Цѣна 50 к.
” 3-й.	Александръ Рославлевъ.	Князь изъ Альгамбры.	Цѣна 50 к.
” 4-й.	”	Записки полицейскаго пристава.	Цѣна 50 к.

Дешевая юмористическая библіотека „Новаго Сатирикона“.

Спеціальные выпуски дешевой библіотеки Новаго Сатирикона:

- № 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12,
Аркадій Аверченко.
№ 13 Тэффи,
№ 14 Г. Ландау,
№ 15 Аркадій Аверченко,
№ 16 О. Л. Д'Орь.

Аркадій Аверченко.

- О нѣмцахъ и прочемъ такомъ.
Пять чемодановъ.
Записки театральной крысы.
Человѣки.
Позолоченныя пилюли.

Арк. Буховъ.

- Цвѣтокъ въ петлицѣ.

Тэффи.

- Зарево битвы.
Житъе-бытье.

О. Л. Д'Орь.

- Проклятіе начавшимъ.

Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

П Р И Х О Д Ъ И У Х О Д Ъ .

Рис. А. Радакова.

За биржѣ.

Приходить очень жизнерадостный, легко себя чувствует, съ цѣлочкой, съ деньгами въ карманѣ.

Хотя чувствует себя тоже легко, но уже идетъ не съ цѣлочкой, а на цѣпочкѣ и безъ денегъ.

Семейная жизнь.

Выносить ей, которая дороже всего — свое горячее сердце.

И за это — всю жизнь влечить непосильный грузъ.

Служба.

Мечтаетъ о прибавкахъ, командировкахъ, орденахъ. Родные съ нетерпѣньемъ ожидаютъ завершения карьеры.

Существуетъ на грошовую пенсію. Родные съ нетерпѣньемъ ждутъ его смерти, чтобы воспользоваться ею.